Ilmiy tadqiqotlar va ularning yechimlari jurnali
Aoka guvohnoma № 323759 ISSN: 3060-4818

# УЗБЕКИСТАН–ФРАНЦИЯ: ШАРЛЬ-МИШЕЛЬ ДЕ Л'ЭПЕ И ФРАНЦУЗСКИЙ ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК: ОПЫТ УЗБЕКИСТАНА

**Каримбеков Самат Ахатович**
Доцент, Ташкентский государственный медицинский университет
E-mail: samatkarimbekov@mail.ru
Tel.: +998909392868
https://doi.org/10.5281/zenodo.23230569

**Аннотация**

Статья посвящена историко-педагогическому и лингвистическому анализу роли французского аббата и педагога Шарля-Мишеля де Л'Эпе в становлении институционального образования глухих во Франции, а также исследованию современного значения французского опыта для Республики Узбекистан. Особое внимание уделяется принципиально важному разграничению между естественным французским жестовым языком и педагогической системой «методических знаков», применявшейся де Л'Эпе. На основе исторических, лингвистических, международно-правовых и национальных нормативных источников показано, что де Л'Эпе не являлся единоличным создателем французского жестового языка. Его историческое значение заключается прежде всего в институционализации образования глухих, признании жестовой коммуникации значимым средством обучения и создании образовательной среды, в которой глухие учащиеся могли взаимодействовать между собой.

В работе анализируются этапы последующего развития французского жестового языка, изменение образовательной политики, последствия распространения оралистского подхода и современное законодательное признание французского жестового языка как самостоятельного языка. Отдельное внимание уделяется современному законодательству Узбекистана. Установлено, что Закон Республики Узбекистан «О правах лиц с инвалидностью» признает жестовый язык средством межличностного общения лиц с инвалидностью и предусматривает развитие доступных способов коммуникации и инклюзивного образования [4]. Узбекистан ратифицировал Конвенцию ООН о правах инвалидов в 2021 г., тем самым приняв международные обязательства по обеспечению равенства, доступности образования и коммуникации [8].

Сопоставление французского и узбекского опыта показывает, что для дальнейшего развития системы образования глухих в Узбекистане важны научное изучение национального жестового языка, подготовка квалифицированных специалистов, расширение двуязычного образования, ранний доступ детей к языку, цифровая доступность образовательных ресурсов и непосредственное участие сообщества глухих в разработке языковой и образовательной политики.

**Ключевые слова:** Шарль-Мишель де Л'Эпе, французский жестовый язык, язык жестов, глухие, сурдопедагогика, образование глухих, инклюзивное образование, сурдоперевод, языковые права, Франция, Узбекистан, двуязычное образование.

**Введение**

Проблема образования и социальной интеграции людей с нарушениями слуха занимает важное место в современной педагогике, лингвистике и социальной политике. Особое значение она приобретает в связи с признанием жестовых языков самостоятельными языковыми системами и постепенным переходом от исключительно медицинского понимания глухоты к социальному, культурному и правовому подходам.

По данным Всемирной организации здравоохранения, более 1,5 млрд человек в мире имеют ту или иную степень снижения слуха, причем около 430 млн человек нуждаются в реабилитационных мерах в связи с потерей слуха средней или более высокой степени тяжести [7, с. 10]. Всемирная организация здравоохранения подчеркивает, что нелеченная потеря слуха может отрицательно влиять на коммуникацию, развитие речи и языка у детей, образование, занятость и социальное взаимодействие [7, с. 10–12]. Эти обстоятельства делают вопросы доступности языка и образования принципиальными не только для отдельных семей, но и для государственной социальной политики.

История Франции занимает особое место в развитии образования глухих. Одной из центральных фигур этого процесса является Шарль-Мишель де Л'Эпе (1712–1789). Его деятельность в Париже в XVIII веке стала важной вехой в институциональном развитии образования глухих в Европе. Исторические источники связывают с ним создание в Париже образовательного учреждения для глухих и распространение метода обучения, основанного на жестовой коммуникации [1; 2].

Вместе с тем утверждение о том, что де Л'Эпе «изобрел французский жестовый язык», является исторически неточным. Жестовая коммуникация уже существовала среди глухих людей Парижа до начала его педагогической деятельности. Де Л'Эпе изучал использовавшиеся ими знаки и пытался систематизировать их в рамках своей педагогической концепции [1, с. 12–31]. В дальнейшем его система получила известность как «методические знаки».

Современная лингвистика рассматривает французский жестовый язык как самостоятельный естественный язык, обладающий собственной структурой, а не как простую систему механического перевода французской устной речи [1, с. 12–31]. Именно это обстоятельство имеет большое значение при оценке исторического наследия де Л'Эпе и его применимости к современным условиям Узбекистана.

Целью настоящей статьи является исследование исторической роли Шарля-Мишеля де Л'Эпе в развитии образования глухих и французского жестового языка, а также выявление элементов французского опыта, которые могут быть использованы при совершенствовании образовательной и языковой политики Республики Узбекистан.

**Методология**

Методологическую основу исследования составили исторический, сравнительный, системный, лингвистический и нормативно-правовой методы.

Исторический метод использовался для определения места Шарля-Мишеля де Л'Эпе в развитии образования глухих во Франции и анализа изменения педагогических подходов от XVIII века до современности.

Лингвистический метод позволил рассмотреть французский жестовый язык как самостоятельную языковую систему и разграничить естественный язык глухого сообщества и искусственно организованную педагогическую систему методических знаков.

Сравнительный метод применялся для сопоставления французского опыта с современными условиями Республики Узбекистан.

Нормативно-правовой анализ осуществлялся на основе французского законодательства, прежде всего положений Кодекса образования Франции, Закона № 2005-102 от 11 февраля 2005 г., Закона Республики Узбекистан № ЗРУ-641 от 15 октября 2020 г. «О правах лиц с инвалидностью», а также Конвенции ООН о правах инвалидов [4; 5; 8].

В исследовании также использовались документы Всемирной федерации глухих, Всемирной организации здравоохранения и ЮНИСЕФ, посвященные языковым правам, образованию и социальной интеграции глухих детей [7; 9; 10].

Особое внимание уделялось проверяемости фактических положений. Статистические данные включались только в тех случаях, когда они представлены официальными международными или национальными организациями.

## Результаты

### Историческая роль Шарля-Мишеля де Л'Эпе

Шарль-Мишель де Л'Эпе родился в 1712 г. во Франции и умер в 1789 г. Его деятельность пришлась на период, когда систематическое образование глухих еще не было широко распространено.

Согласно историческим данным, де Л'Эпе начал заниматься обучением глухих детей в Париже в середине XVIII века. Его педагогическая практика основывалась на признании уже существовавшей среди глухих жестовой коммуникации. В дальнейшем им была создана образовательная система, получившая известность в Европе [2].

Принципиальным достижением де Л'Эпе стало не создание нового языка, а институционализация образования людей, которые до этого во многих случаях не имели доступа к систематическому обучению. Организация коллективной образовательной среды имела долгосрочные последствия для формирования сообщества глухих.

Исследователи французского жестового языка подчеркивают, что развитие LSF необходимо рассматривать в связи с историей французского сообщества глухих и образовательных учреждений [1; 3]. Школа создала условия, в которых большое количество глухих учащихся могло регулярно взаимодействовать друг с другом.

Это имело принципиальное языковое значение. Естественные жестовые языки развиваются прежде всего внутри языковых сообществ. Поэтому образовательная концентрация глухих учащихся стала одним из факторов дальнейшего развития французской жестовой коммуникации.

### Методические знаки и естественный французский жестовый язык

Одним из наиболее важных аспектов наследия де Л'Эпе является его метод «методических знаков». Он стремился использовать жестовую форму для передачи элементов французского языка.

Однако естественный французский жестовый язык и методические знаки нельзя считать полностью идентичными явлениями.

Современная лингвистика установила, что LSF обладает собственной грамматикой, синтаксисом и механизмами пространственной организации высказывания. Исследования Кристиана Кюзака показывают, что жестовые языки должны рассматриваться именно как языки, а не как вторичные способы передачи информации [1, с. 12–31].

Таким образом, историческая система де Л'Эпе представляет собой прежде всего педагогическую концепцию, тогда как современная LSF является естественным языком французского сообщества глухих.

Это различие имеет методологическое значение и для Узбекистана. При разработке образовательных программ нельзя заменять естественный жестовый язык механической системой жестового перевода каждого слова устной речи.

**Распространение французского опыта в Европе**

Педагогическая деятельность де Л'Эпе получила известность далеко за пределами Франции. Его школа стала одним из центров, через которые идеи жестового обучения распространялись в других европейских странах [2].

Значение данного процесса состояло в изменении общественного представления о способностях глухих людей. Образование стало рассматриваться как реальная возможность для глухих, а жестовая коммуникация — как инструмент обучения.

Однако последующая история образования глухих была неоднозначной. В XIX веке во многих странах усилилось влияние оралистского подхода, ориентированного на развитие устной речи и чтения с губ. Особенно важным событием стал Миланский конгресс 1880 г., после которого использование жестовых языков в образовании глухих во многих европейских образовательных учреждениях было ограничено.

Исследования французской истории жестового языка отмечают, что период институционального вытеснения жестового языка продолжался длительное время [1, с. 12–31; 3, с. 32–59].

Опыт Франции тем самым демонстрирует, что языковой статус жестового языка зависит не только от его лингвистических характеристик, но и от государственной образовательной политики.

**Современное признание французского жестового языка**

В XX и начале XXI века отношение к жестовым языкам существенно изменилось. Развитие лингвистических исследований доказало, что жестовые языки обладают полноценной языковой структурой.

Важным юридическим этапом во Франции стал Закон № 2005-102 от 11 февраля 2005 г. Статья 75 этого закона внесла в Кодекс образования Франции положение о признании французского жестового языка полноценным языком [5].

В настоящее время статья L.312-9-1 Кодекса образования Франции устанавливает, что французский жестовый язык признается самостоятельным языком и что соответствующий учащийся должен иметь возможность получать образование по французскому жестовому языку.

Закон также предусматривает возможность его выбора в качестве предмета на экзаменах и конкурсах [5]. Légifrance

Это положение имеет фундаментальное значение. Оно переводит использование жестового языка из сферы исключительно социальной поддержки в сферу языковых и образовательных прав.

Французское законодательство также содержит положения о доступности коммуникации для глухих людей в судебной системе и в отношениях с государственными услугами [5]. В частности, законодательство предусматривает возможность использования выбранного глухим человеком адаптированного средства коммуникации в судебных процедурах [5].

Таким образом, современная французская модель сочетает языковое признание, образовательные гарантии и обеспечение коммуникационной доступности.

**Современная ситуация в Узбекистане**

Для оценки возможностей применения французского опыта необходимо учитывать национальные особенности Республики Узбекистан.

Закон Республики Узбекистан № ЗРУ-641 от 15 октября 2020 г. «О правах лиц с инвалидностью» закрепляет право лиц с инвалидностью на образование и предусматривает государственные гарантии развития инклюзивного образования [4].

Особенно важным является положение статьи 38, согласно которому Республика Узбекистан признает жестовый язык средством межличностного общения лиц с инвалидностью. Закон также предусматривает развитие языков, методов и средств коммуникации, доступных мультимедийных инструментов и цифровых технологий, а также подготовку педагогических работников по вопросам инклюзивного образования [4]. Lex.uz

Данное положение является важной правовой основой для дальнейшего развития системы образования глухих.

Вместе с тем признание жестового языка средством межличностного общения не означает полного совпадения с моделью правового статуса французского жестового языка во Франции. Французское законодательство прямо определяет LSF как самостоятельный язык и закрепляет возможность его изучения учащимися [5]. В Узбекистане законодательная база делает акцент на признании жестового языка как средства коммуникации и на обеспечении доступности образования.

Таким образом, между двумя моделями существует важное различие в степени институционализации языкового статуса.

**Международные обязательства Узбекистана**

Узбекистан ратифицировал Конвенцию ООН о правах инвалидов 28 июня 2021 г. [8]. Это означает принятие государством международных обязательств в сфере обеспечения равенства и прав лиц с инвалидностью.

Статья 21 Конвенции предусматривает право людей с инвалидностью на свободу выражения мнения, получение и распространение информации наравне с другими людьми. Государства-участники должны содействовать использованию жестовых языков и признавать их использование [6]. Birlashgan Millatlar Tashkiloti

Статья 24 Конвенции устанавливает право на образование без дискриминации и предусматривает необходимость обеспечения соответствующих условий для обучения глухих людей.

Следовательно, дальнейшее развитие законодательства Узбекистана в сфере жестового языка должно рассматриваться в контексте международных обязательств государства.

**Анализ и обсуждение**

**Значение французского опыта для Узбекистана**

Французский опыт не может быть механически перенесен на узбекскую образовательную систему. Французский жестовый язык сформировался в конкретной историко-культурной среде, а его развитие связано с историей французского сообщества глухих.

Однако институциональный опыт Франции представляет существенный интерес.

Первый вывод состоит в том, что естественный жестовый язык должен рассматриваться как самостоятельный язык. Исследования Кюзака и других специалистов убедительно показывают необходимость различать естественный жестовый язык и вспомогательные системы жестового кодирования [1, с. 12–31].

Второй вывод касается образования. Патрис Далль показывает, что использование жестового языка как языка обучения связано с изменением образовательной концепции и способствует выполнению основных функций образования — обучению, социализации, формированию гражданственности и развитию личности [3, с. 32–59]. Persée

Третий вывод заключается в необходимости раннего языкового доступа.

Всемирная федерация глухих указывает, что глухие дети имеют право на доступ к национальному жестовому языку с раннего возраста. Организация также отмечает необходимость поддержки семей, поскольку большинство глухих детей рождаются в слышащих семьях [9].

Следовательно, образовательная политика должна начинаться не с момента поступления ребенка в школу, а значительно раньше — с ранней диагностики, консультирования семьи и обеспечения языковой среды.

**Проблема кадров**

Одним из важнейших вопросов для Узбекистана является подготовка специалистов.

В аналитическом материале ЮНИСЕФ по ситуации детей и подростков в Узбекистане отмечается недостаток подготовленных специалистов, особенно специалистов, способных обучать и взаимодействовать с детьми посредством жестового языка. В документе также указывается на дефицит ресурсов, переведенных на жестовый язык [11].

Это обстоятельство непосредственно связано с французским опытом. Правовое признание языка без достаточного количества преподавателей и переводчиков не обеспечивает автоматического равенства возможностей.

Поэтому для Узбекистана целесообразно развитие многоуровневой системы подготовки:

- преподавателей жестового языка;
- сурдопедагогов;
- профессиональных переводчиков;

- специалистов по разработке цифровых образовательных материалов;
- исследователей национального жестового языка.

**Двуязычное образование**

Особое значение имеет модель двуязычного образования.

Всемирная федерация глухих рекомендует, чтобы образование глухих детей обеспечивалось на национальном жестовом и национальном письменном языках, а педагоги обладали высоким уровнем владения национальным жестовым языком [10, с. 33–35].

Для Узбекистана это может означать формирование образовательной модели, в которой жестовый язык используется как полноценный язык обучения, а письменный узбекский язык систематически изучается как важнейший инструмент дальнейшего образования и профессиональной деятельности.

При этом нельзя сводить двуязычие к простому параллельному переводу каждого предложения с устного языка на жесты. Необходима педагогическая модель, учитывающая особенности визуально-пространственного языка.

**Цифровая доступность**

Современная цифровизация создает дополнительные возможности для образования глухих.

Закон Республики Узбекистан уже предусматривает развитие доступных мультимедийных инструментов и цифровых технологий [4]. Это направление необходимо развивать посредством:

- видеолекций с переводом на жестовый язык;
- цифровых словарей;
- электронных учебников;
- видеоглоссариев;
- образовательных платформ с визуальным интерфейсом;
- автоматизированных систем субтитрирования;
- государственных информационных ресурсов с переводом ключевых материалов на жестовый язык.

При этом автоматический перевод не должен рассматриваться как полная замена профессиональному переводчику. Технологии должны выступать инструментом расширения доступности.

**Участие сообщества глухих**

Современная международная практика подчеркивает необходимость непосредственного участия глухих людей в исследовании, преподавании и развитии национальных жестовых языков.

Всемирная федерация глухих в своем документе 2023 г. особо отмечает принцип приоритетного участия самих глухих людей в развитии и преподавании национальных жестовых языков [12].

Этот принцип имеет особое значение для Узбекистана. Исследование национального жестового языка не должно осуществляться исключительно специалистами, не являющимися его носителями. Носители языка должны участвовать в создании словарей, учебных материалов, образовательных программ и научных исследований.

**Сравнительный анализ французского и узбекского опыта**

Французский и узбекский опыт имеют различную историческую основу, но между ними можно выделить несколько важных точек соприкосновения.

Во Франции историческая деятельность де Л'Эпе способствовала созданию институциональной среды для образования глухих. В современный период это развитие привело к законодательному признанию LSF как полноценного языка [5].

В Узбекистане современная правовая система уже признает жестовый язык средством межличностного общения и предусматривает развитие инклюзивного образования [4].

Французская модель показывает значение трех взаимосвязанных компонентов: язык, образование и государственные гарантии.

Узбекская система находится в процессе дальнейшего развития этих компонентов. Законодательная основа уже существует, однако сохраняются задачи по обеспечению кадров, образовательных материалов, цифровой доступности и практической реализации языковых прав.

Существенное значение имеет и международный контекст. Всемирная федерация глухих отмечает, что во многих странах национальные жестовые языки до сих пор не получили полноценного юридического признания [10]. Поэтому развитие национального законодательства является одним из центральных направлений современной политики в отношении глухих.

Для Узбекистана наиболее перспективным представляется постепенный переход от модели преимущественно социальной поддержки к модели, основанной одновременно на социальных, образовательных и языковых правах.

**Перспективные направления развития в Узбекистане**

На основе проведенного анализа можно выделить несколько приоритетных направлений.

Первое — создание системного научного описания узбекского жестового языка. Необходимо исследовать его лексику, грамматику, синтаксис, региональные особенности и особенности профессиональной терминологии.

Второе — создание национального электронного словаря жестового языка. Такой ресурс мог бы использоваться в образовании, подготовке переводчиков и цифровых государственных услугах.

Третье — развитие системы сертификации переводчиков. Профессиональный сурдоперевод должен рассматриваться как отдельная квалифицированная деятельность.

Четвертое — расширение подготовки преподавателей, владеющих жестовым языком. Французский опыт показывает, что устойчивое развитие системы невозможно без профессионального кадрового обеспечения [3].

Пятое — развитие раннего вмешательства. Семьи должны получать информацию о языковых возможностях ребенка сразу после выявления нарушения слуха.

Шестое — обеспечение участия взрослых глухих людей в образовательном процессе в качестве преподавателей, консультантов и экспертов.

Седьмое — повышение доступности высшего образования. Глухие студенты должны иметь возможность получать образование с использованием необходимых языковых и коммуникационных средств.

Восьмое — развитие цифровых технологий. Государственные и образовательные платформы должны постепенно становиться доступными для пользователей жестового языка.

**Заключение**

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что историческое значение Шарля-Мишеля де Л'Эпе необходимо оценивать с учетом современных лингвистических представлений.

Де Л'Эпе не был создателем французского жестового языка в буквальном смысле. Жестовая коммуникация существовала среди глухих людей до его деятельности. Его важнейший исторический вклад состоит в институционализации образования глухих, признании практической ценности жестовой коммуникации и создании образовательной среды, которая оказала значительное влияние на дальнейшее развитие французской традиции образования глухих [1; 2].

История французского жестового языка показывает, что естественный жестовый язык и искусственно созданная педагогическая система не являются идентичными понятиями. Современная LSF является самостоятельным языком, а ее признание в законодательстве Франции стало важным этапом формирования языковых прав глухих [1; 5].

Французский опыт представляет значительный интерес для Узбекистана. Закон Республики Узбекистан «О правах лиц с инвалидностью» уже признает жестовый язык средством межличностного общения и предусматривает развитие доступных способов коммуникации, инклюзивного образования и цифровых технологий [4]. Ратификация Узбекистаном Конвенции ООН о правах инвалидов в 2021 г. создала дополнительную международно-правовую основу для дальнейшего развития этой системы [8].

Главным уроком французского опыта является необходимость рассматривать жестовый язык не только как вспомогательное средство коммуникации, но и как важнейший элемент образования, культуры и социальной идентичности глухих людей.

Для Узбекистана приоритетными направлениями должны стать научное исследование национального жестового языка, развитие двуязычного образования, подготовка профессиональных сурдопереводчиков и педагогов, ранний языковой доступ детей, создание цифровых образовательных ресурсов и непосредственное участие сообщества глухих в разработке языковой политики.

Таким образом, опыт Франции не должен копироваться механически. Его значение заключается в демонстрации исторического пути, на котором жестовая коммуникация постепенно перешла из сферы неформального общения в сферу образования, законодательства и признанных языковых прав. Именно этот принцип может представлять наибольшую практическую ценность для дальнейшего совершенствования системы образования и социальной интеграции глухих людей в Республике Узбекистан.

**Список использованной литературы**

1. **Кюзак К.** Язык и речь: критический вклад французского жестового языка // Французский язык. — 2003. — № 137. — С. 12–31. Persée
2. **Беттен Х.** Образование глухих в Европе: ранние годы. — 2013. — Материалы по истории образования глухих, раздел о Шарле-Мишеле де Л'Эпе. — С. 1–12. Deaf History Europe
3. **Далль П.** Место жестового языка в институциональной образовательной среде: проблемы, препятствия и эволюция // Французский язык. — 2003. — № 137. — С. 32–59. Persée
4. **Республика Узбекистан.** Закон № ЗРУ-641 от 15 октября 2020 г. «О правах лиц с инвалидностью». — Ташкент, 2020. — Ст. 38–39. Lex.uz
5. **Французская Республика.** Закон № 2005-102 от 11 февраля 2005 г. «О равенстве прав и возможностей, участии и гражданстве лиц с инвалидностью». — Париж, 2005. — Ст. 75–78. Légifrance
6. **Организация Объединенных Наций.** Конвенция о правах инвалидов. — Нью-Йорк: ООН, 2006. — Ст. 21, 24. Birlashgan Millatlar Tashkiloti
7. **Всемирная организация здравоохранения.** Всемирный доклад о слухе. — Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2021. — С. 10–12, 36–38, 44–47. Dunyo Sog'liqni Saqlash Tashkiloti
8. **Организация Объединенных Наций.** Договорная база ООН: ратификация Конвенции о правах инвалидов Республикой Узбекистан. — 2021. — Документ о ратификации от 28 июня 2021 г. Birinchi Mulklar Tizimi
9. **Всемирная федерация глухих.** Позиционный документ о праве на жестовый язык для семей и лиц, осуществляющих уход за глухими детьми. — Хельсинки: Всемирная федерация глухих, 2023. — С. 1–8. World Federation of the Deaf
10. **Всемирная федерация глухих.** Руководство по обеспечению прав на жестовый язык. — Хельсинки: Всемирная федерация глухих, 2023. — С. 33–35, 44–52. World Federation of the Deaf
11. **ЮНИСЕФ.** Ситуационный анализ положения детей и подростков в Узбекистане. — Ташкент: ЮНИСЕФ, 2024. — С. 190–195. UNICEF Global
12. **Всемирная федерация глухих.** Позиционный документ о приоритетной роли глухих людей в разработке и преподавании национальных жестовых языков. — Хельсинки: Всемирная федерация глухих, 2023. — С. 1–6. World Federation of the Deaf
13. **ЮНИСЕФ.** Реформа учебных программ для удовлетворения индивидуальных потребностей учащихся в Узбекистане. — Нью-Йорк: ЮНИСЕФ, 2020. — С. 1–4. UNICEF Global
14. **ЮНИСЕФ в Узбекистане.** Инклюзивное образование: современные направления развития. — Ташкент: ЮНИСЕФ, 2026. — С. 1–3. UNICEF Global
15. **Французская Республика.** Кодекс образования. Статья L.312-9-1 «Преподавание французского жестового языка». — Париж: Легифранс, действующая редакция 2026 г. — Ст. L.312-9-1. Légifrance
16. **Кюзак К.** Представление: является ли жестовый язык языком? Небольшая история большого вопроса // Французский язык. — 2003. — № 137. — С. 3–11.